

Е. А. Салиас

Петровские дни

Историческая повесть

Часть первая

I

Были первые дни сентября 1762 года...

Москва ликовала и шумела и вся была на ногах. Пришли такие дни, что она могла сказать: "На нашей улице праздник!"

Государыня императрица Екатерина Алексеевна прибыла из Петербурга и остановилась в селе Петровском, имении гетмана графа Разумовского, в двенадцати верстах от Москвы. И первопрестольная ожидала дней въезда новой императрицы и коронования.

Много ходило тёмных и лживых слухов о том, как встретит Москва царицу.

- Москва - не Петербург!.. Сердце России не солжёт, не покривит душой. Низвержение с престола законного государя Петра Феодоровича, внука Великого первого императора российского, она, первопрестольная, судит по-своему. Ей чёрного белым не сделаешь, кривду правдой не нарядишь, злоумышления в благодеяние не обернёшь. Питер Москве не указ. Он младший брат. Братишка! Ему шестьдесят лет - смешно сказать. А Москве-то сколько? Поди-ка сочти.

Но эдак рассуждали в дворянских семьях, а москвич-простолюдин знал или же просто почуял, что царица хотя и немецкая принцесса, но давно стала душой и сердцем истинной россиянкой. В первом же своём деянии, июньском перевороте и вступлении на престол, она спасла отечество от немецких порядков, предотвратила новую бироновщину и гонения не только всего русского, но и самой православной веры.

Но время было всё-таки трудное. Дни шли смутные. Государственный мир и общественный покой были нарушены. Всё всколыхнулось, заволновалось. По старой пословице "мирская молва - морская волна", море житейское зашумело и погнало волны на берега и устои политические и гражданские.

И не являлось никого, кто бы проявился утешителем волнения... Царица, окружённая сонмом вельмож и правительственных сановников, стояла в ожидании надвигающейся бури - одна-одинёшенька.

Новая императрица с минуты вступления на престол думала только об одном, трепетно и нетерпеливо ждала только одного, чаяла спасенья себя и отечества и умиротворения всех и всего только в одном: священном короновании в Московском Кремле.

А до этого великого мгновения она могла только по праву повторять французскую поговорку "Dieu me garde de mes amis, des ennemis je me garderai moi-meme".

- Да. Спаси Бог от друзей, а от врагов я сама уберегусь, - думала и говорила умная, смелая, но смущённая женщина-монарх.

Пребывание теперь в селе Петровском пред торжественным въездом в первопрестольную было будто тяжёлым испытанием её сил пред началом великого тридцатипятилетнего подвига: приведения Руси от мглистых времён елизаветинских к лучезарным дням alexандровским.

II

Старуха-крестьянка стояла среди град огорода на опушке леса и смотрела, как закатывалось золотое солнце за край земли.

С опушки этого небольшого леса, не густого, не запущенного, а, напротив, со следами заботливого ухода, видно было ровное пустое поле, расходившееся во все стороны. Только вправо и далеко на самом горизонте темнелась полоса, узкая и длинная... Там снова начинался лес, но уже